

Н.И. ЕГОРОВА

ВЛИЯНИЕ ДВИЖЕНИЯ СТОРОННИКОВ МИРА НА ПОЛИТИКУ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ. 1950–1960-е годы

Несколько забытая современными исследователями тема Движения сторонников мира (ДСМ) в настоящее время представляется все более актуальной. Во-первых, изучение ДСМ отвечает требованиям написания «новой истории “холодной войны”» на основе рассекреченных архивных материалов и расширения ее исследовательского пространства: от дипломатической и внешнеполитической истории к изучению социально-политических, экономических, культурных и других недостаточно исследованных аспектов. В условиях “холодной войны” борьба за мир при всем ее гуманизме и содействии расширению контактов между Востоком и Западом одновременно была областью противоборства сверхдержав и их союзников. Можно сказать, что в 1950–1960-х годах Движение сторонников мира в определенной степени являлось весьма действенной формой “мягкой силы” (soft power)¹, использовавшейся советским блоком в противоборстве с Западом.

Во-вторых, помимо возможностей углубления изучения самой “холодной войны”, обращение к историческому опыту антивоенных движений, в том числе и к созданному на первом Всемирном конгрессе в 1949 г. организованному Движению сторонников мира, весьма актуально с точки зрения сегодняшнего непростого состояния международных отношений и новых угроз международной безопасности. Тем более что по сравнению с периодом “холодной войны” современные антивоенные движения заметно сузили масштабы своей деятельности. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о том, что после окончания противоборства двух систем опасения мировой общест-венности относительно всеобщей ядерной войны значительно снизились и внимание переключилось на отдельные протесты против региональных военных конфликтов (например, во время событий в Югославии, войны в Ираке, событий в Ливии, Сирии и др.), а с другой стороны – об ослаблении широкого сотрудничества миролюбивых сил. Но, несмотря на это, продолжают свою деятельность некоторые выдержавшие проверку временем международные общественные движения миролюбивых сил и их организации.

Скорее всего, именно фактор ослабления международной активности в данной области повлиял на состояние российских исследований по истории антивоенных движений, в том числе и ДСМ. По сравнению с обширной советской историографией ДСМ и других движений миролюбивых сил, количество новых научных трудов по этим проблемам незначительно. Изданная в годы перестройки монография Г.Я. Тарле явилась первым (и пока единственным) комплексным исследованием движения сто-

Егорова Наталия Ивановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02677), полученного ФГБУН “Институт всеобщей истории РАН”.

¹ Joseph S. Nye, Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004.

ронников мира в СССР в широком хронологическом диапазоне: от 1949 г. до середины 1980-х годов². Особо следует отметить работу О.С. Харахардина, деятельность которого с 1958 г. была тесно связана с Советским комитетом защиты мира (СКЗМ), Всемирным Советом Мира (ВСМ) и Международным отделом ЦК КПСС. В отличие от его публикаций советского периода книга О.С. Харахардина, изданная в начале 2000-х годов и носящая скорее мемуарный, чем исследовательский характер³, показывает не только сильные, но и слабые стороны развития ДСМ, содержит ряд критических замечаний относительно влияния аппарата ЦК КПСС на работу СКЗМ и ВСМ. Проблема ДСМ находит также отражение в главах отдельных работ, вышедших в 2000-х годах⁴. Важным вкладом в изучение истории советского движения сторонников мира явилась публикация в 2009 г., к 60-летию создания СКЗМ, юбилейного издания “Мир в собственном доме и во всем мире”⁵. Этот фундаментальный труд, подготовленный правопреемницей СКЗМ с 1992 г. Международной неправительственной организацией “Федерация мира и согласия”, носит не столько аналитический, сколько информационный характер, однако его содержание ценно для изучения как советского, так и международного движения за мир.

Об интересе зарубежных ученых к истории миротворческих движений в период “холодной войны”, свидетельствует проведение в феврале 2008 г. в Лондонской школе экономики большой международной конференции «Движения за мир в годы “холодной войны” и после ее окончания», в которой участвовали представители 15 стран. Что касается достижений в этой области новейшей зарубежной историографии, то прежде всего необходимо отметить работы Л.С. Уитнера⁶. Специфика его трудов заключается в том, что он рассматривает движения общественности за разоружение и антиядерные протесты в качестве главного фактора, который оказывал влияние на принятие правительственных решений о сокращении, ограничении вооружений и отказе от использования ядерного оружия в течение всех послевоенных лет.

Но если говорить о книгах и статьях, авторы которых сфокусировали внимание именно на Движении сторонников мира, то они появились на рубеже 1990–2000-х годов. Примечательно, что в связи с этим исследователи проявили большой интерес к интерпретации данного Движения, представленной в известной монографии М.Д. Шульмана⁷. Проведенный им всесторонний анализ Движения сторонников мира в первые годы его существования содержит ряд принципиальных положений, оказавших влияние на историографию проблемы. Нельзя не согласиться с его обоснованным выводом относительно использования ДСМ сталинским руководством как одного из практических средств обеспечения национальной и международной безопасности в условиях существовавшего на тот момент превосходства США в области ядерных вооружений. Вполне правомерен вывод М.Д. Шульмана и о том, что в советском руководстве возросло понимание роли общественного мнения, что стало также широко использоваться в пропагандистской деятельности СССР, в том числе посредством возможностей, предоставляемых ДСМ.

² *Тарле Г.Я.* Движение сторонников мира в СССР. М., 1988.

³ *Харахардин О.С.* Сорок лет против третьей мировой... Общество и проблемы войны и мира (прежде и теперь). М., 2002.

⁴ *Михайлов В.Н., Брезкун С.Т.* Добро или зло? Философия стабильного мира. М. – Саранск – Саров, 2002.

⁵ *Мир в собственном доме и во всем мире.* М., 2009.

⁶ *Wittner L.S.* The Struggle against the Bomb, v. 1. One World or None: A History of the World Nuclear Disarmament Movement through 1953. Stanford (CA), 1993; v. 2. Resisting the Bomb: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1954–1970. Stanford (CA), 1997; v. 3. Toward Nuclear Abolition: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1971 to the Present. Stanford (CA), 2003; *idem.* Confronting the Bomb: A Short History of the World Nuclear Disarmament Movement. Stanford (CA), 2009; *idem.* Working for Peace and Justice: Memoirs of an Activist Intellectual. Knoxville (TN), 2012.

⁷ *Shulman M.D.* Stalin's Foreign Policy Reappraised. Cambridge (Mass.), 1963.

Одним из зарубежных исследователей, который в своих работах, касающихся ДСМ, высоко оценивает вклад М.Д. Шульмана, является британский исследователь Дж. Робертс⁸. Однако он подчеркивает, что ставшие доступными многие документы российских архивов позволили увидеть более сложную картину взаимосвязи между ДСМ и советской внешней политикой. По его мнению, Движение имело собственные интересы, приоритеты и перспективы, но оно также служило поддержкой внешнеполитической стратегии Советского Союза. Тезис М.Д. Шульмана о том, что после окончания Второй мировой войны советским руководителям потребовалось переориентироваться с доктрины мировой революции на мобилизацию общественного мнения на борьбу за мир, разделяют и некоторые другие зарубежные исследователи. Разработке этой темы посвящена большая статья М. Лодеволя, молодого ученого из Кембриджского университета. По мнению Лодеволя, главной целью усилий коммунистов, являлось сокращение военных возможностей Запада и снижение опасности новой войны⁹. Говоря об оценках зарубежными историками ДСМ, нельзя не отметить и точку зрения такого крупного ученого, как профессор Римского университета С. Понс, высказанную им в рецензии на статью Лодеволя¹⁰. Понс разделяет точку зрения Лодеволя о том, что в последние годы жизни Сталина «“борьба за мир” мыслилась как стимулирующая и особая легальная деятельность, которая была направлена на разработку организационных мер в случае войны, все больше воспринимавшейся как неизбежная катастрофа»¹¹.

Обращение к рассекреченным документам российских архивов позволяет внести немало корректив в интерпретацию Движения сторонников мира. В частности, история ДСМ свидетельствует, что это Движение, несмотря на утвердившуюся за ним характеристику как прокоммунистического, что ограничивало участие в нем представителей иных идейно-политических взглядов, добилось заметных успехов в борьбе за мир и оказало определенное воздействие на становление и развитие “параллельных” движений миролюбивых сил в годы “холодной войны” (в том числе антиядерного Пагуошского движения ученых)¹², а также на принятие важных дипломатических решений в области разоружения. В данной статье рассматриваются два направления в деятельности ДСМ – борьба за прекращение испытаний атомного и водородного оружия и требования создания безъядерных зон в Европе и мире, которые являлись важными шагами по пути нераспространения ядерного оружия и снижения опасности ядерной войны.

Проблема разоружения рассматривалась в числе основных задач в деятельности ДСМ, начиная с учредительного Парижско-Пражского Всемирного конгресса сторонников мира, состоявшегося в апреле 1949 г. Она всегда присутствовала и в советских внешнеполитических установках, поскольку отражала не только непреходящее стремление человечества к миру, но являлась “идеалом социализма”¹³. После окончания

⁸ Автор выражает свою признательность проф. Дж. Робертсу за полезную информацию и предоставленную возможность ознакомиться с некоторыми его статьями до их публикации: *Roberts G. The Communist Peace Movement and the Origins of Pugwash, 1948–1956. – Paper prepared for the Conference on Writing Pugwash Histories, Vienna, 10–12 May 2012; Roberts G. Moscow’s Campaign Against the Cold War, 1948–1955. – Visions of the End of the Cold War in Europe (1945–1990). Oxford, 2012.*

⁹ *Lodevole M. The Western Communists and the European Military Build-up, 1949–1950: A Preventive Strategy. – Cold War History, v. 10, № 2, 2010, p. 203–228.*

¹⁰ См. H-Diplo Article Reviews. Published on 29 October 2010. URL: <http://www.h-net.org/~diplo/reviews/PDF/AR277.pdf> (дата обращения: 12.VIII.2010).

¹¹ *Ibid.*, p. 3.

¹² В настоящее время Пагуошское движение ученых продолжает свою деятельность. Осенью 2015 г. в Нагасаки намечается проведение 61-й Пагуошской конференции. Существует и Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН, представители которого участвуют в различных мероприятиях этой организации.

¹³ *Хрущёв Н.С.* За мир, за разоружение, за свободу народов! (Выступление в Нью-Йорке на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 19 сентября – 13 октября 1960 г.). М., 1960, с. 89.

Второй мировой войны практическим воплощением идеи разоружения стали выдвигавшиеся СССР с 1946 г. в рамках ООН широкие инициативы в области сокращения войск и вооружений, а также запрещения атомного оружия. Как свидетельствуют архивные документы, подготовка первого Всемирного конгресса сторонников мира активно велась при непосредственном руководстве ЦК ВКП(б)¹⁴ и лично И.В. Сталина. Представляя на рассмотрение Сталину проект постановления ЦК “О международном Конгрессе сторонников мира”, В.М. Молотов подчеркивал, что Конгресс “должен поставить в качестве центральной задачи активную международную общественную поддержку предложениям Советского Союза о сокращении вооружений великих держав и о запрещении атомного оружия как оружия агрессии”. По мнению Молотова, Конгресс должен был разоблачить “реакционный характер” постановлений Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН, отвергшей разоруженческие предложения СССР, “и показать, что указанные предложения Советского Союза пользуются широкой и активной поддержкой демократических сил во всем мире”¹⁵. В целом советское партийное руководство делало ставку на привлечение к участию в Конгрессе, а затем и в самом Движении сторонников мира не только коммунистов (впоследствии их преобладание в организационных структурах ДСМ ограничивалось), но как можно большего числа представителей различных социальных слоев и политических взглядов, чтобы показать его массовость.

Широко известное Стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия и о признании военным преступником того правительства, которое первым его применит, принятое в марте 1950 г. на пленарном заседании в столице Швеции руководящего органа ДСМ Постоянного Комитета Всемирного Конгресса сторонников мира (предшественника Всемирного Совета Мира, созданного в том же году на Варшавском Всемирном конгрессе), также готовилось в ЦК ВКП(б)¹⁶ и согласовывалось со Сталиным. В директивных указаниях советской делегации содержалось два главных пункта: внести эту резолюцию через представителей Франции и предусмотреть в решениях пленума проведение массовой кампании по сбору миллионов подписей. В этом плане успех сбора подписей под Стокгольмским воззванием, достигших количества 482,5 млн¹⁷, всегда оставался образцом для сравнения с последующим сбором подписей в борьбе за разоружение. Таким образом, сила общественного мнения в лице Движения сторонников мира и других миролюбивых сил стала рассматриваться как важный фактор внешней политики. Об этом было открыто заявлено председателем ВСМ, известным ученым, лауреатом Нобелевской премии Фредериком Жолио-Кюри на Всемирной Ассамблее представителей миролюбивых сил, проходившей в Хельсинки в июне 1955 г. в преддверии Женевского совещания на высшем уровне. При открытии Хельсинкского форума Жолио-Кюри заявил: «Общественное мнение слишком долго считалось важным, но пассивным фактором; его “подготавливали” к тому, чтобы навязать ему решения, принимаемые вне его. В настоящее время оно стало активной силой, вмешивающейся в самый процесс выработки таких решений. Этот факт признан всеми правительствами»¹⁸.

В то же время выдвигание проблемы разоружения в качестве наиболее важной и понятной всем миролюбивым силам идеи, которая цементировала бы ДСМ, произошло далеко не сразу, пройдя этапы от широкомасштабных политико-пропагандист-

¹⁴ Решение о созыве Конгресса было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 9 января 1949 г. – Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 3, оп. 21, д. 2, л. 12, 13.

¹⁵ В. Молотов – тов. Сталину, 24 декабря 1948 г. – Там же, л. 15.

¹⁶ Приложение к п. 276, протокола Политбюро № 72 “Резолюция Постоянного Комитета Всемирного Конгресса сторонников мира”. Решение от 17 января 1950 г. – РГАНИ, ф. 3, оп. 21, д. 3, л. 27.

¹⁷ Справка “Всемирный совет мира – организатор борьбы за мир (1949–1955 гг.)”. – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 9539, оп. 1, д. 2, л. 199.

¹⁸ Всемирная ассамблея мира, Хельсинки. 22–29 июня 1955 г. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 416, т. I, л. 25.

ских кампаний к выполнению более конкретных задач в деятельности сторонников мира (требование заключения Пакта мира пяти великих держав, выступления в пользу переговоров, осуждение войн в Корее и Индокитае, протесты против перевооружения Западной Германии, призывы к срыву Лондонских и Парижских соглашений 1954, 1955 гг., открывавших возможность вступления ФРГ в НАТО). Нарастание с 1954 г. национальных движений протеста против производства атомного и водородного оружия, а также за их запрещение наглядно продемонстрировало необходимость выделения проблемы разоружения в качестве центральной задачи Движения сторонников мира, что окончательно утвердилось к концу 1955 г.

В числе мероприятий, оказавших свое воздействие на дальнейшее укрепление идеи разоружения в качестве доминирующей в деятельности ДСМ, важную роль сыграло “Обращение к народам мира” (Венское воззвание). Оно было принято 19 января 1955 г. на заседании Бюро ВСМ в Вене под воздействием одобрения Советом НАТО 17 декабря 1954 г. новой стратегической концепции альянса, в которой впервые открыто говорилось о возможности применения ядерного оружия в ответ на “агрессивные действия” со стороны СССР и стран Восточного блока. Венское воззвание ВСМ призывало народы активно включиться в борьбу за уничтожение запасов ядерного оружия, прекращения его производства. Сбор подписей под Венским возванием стал новым этапом расширения массового движения в защиту мира. В результате проводившейся в СССР и других странах кампании по сбору подписей Венское воззвание ВСМ подписали 656 млн человек¹⁹, что значительно превышало число подписей под Стокгольмским возванием.

В плане развития антиядерного движения большой резонанс получило обнаружение 9 июля 1955 г. на пресс-конференции в Лондоне так называемого “Манифеста Рассела – Эйнштейна”, заявления деятелей науки об угрожающей человечеству опасности в случае ядерной войны. Содержание инициированного Ф. Жолио-Кюри, в данном случае в качестве президента Всемирной федерации научных работников, и подготовленного Б. Расселом²⁰ заявления ученых было согласовано с выдающимся физиком, лауреатом Нобелевской премии по физике Альбертом Эйнштейном, неоднократно выступавшим против применения ядерного оружия и поставившим свою подпись под этим заявлением незадолго до ухода из жизни.

Важно отметить, что уже в 1954 г., после испытания США в марте водородного оружия в Тихом океане, приведшего к гибели японских рыбаков, прозвучали первые требования общественности о запрещении испытаний ядерного оружия. Сторонники мира придавали большое значение заявлениям премьер-министра Индии Дж. Неру в ходе его выступления в индийском парламенте 2 апреля 1954 г. о необходимости заключения соглашения о прекращении всех ядерных испытаний и проведении закрытого заседания Подкомитета Комиссии ООН по разоружению для обсуждения вопроса о запрещении ядерных взрывов.

По предложению Ф. Жолио-Кюри 5–9 апреля 1956 г. в Стокгольме состоялась чрезвычайная сессия ВСМ. Она была специально посвящена наиболее волнующим мировую общественность вопросам разоружения и тем самым должна была оживить деятельность сторонников мира и расширить их ряды. В речи члена ВСМ А.Е. Корнейчука на этой сессии уделялось немало места изложению советской позиции в Подкомитете Комиссии ООН по разоружению и объяснению, почему предложение СССР от 27 марта 1956 г. о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил не обуславливало этот договор “соглашением о запрещении ядерного оружия”²¹.

¹⁹ *Тарле Г.А.* Указ. соч., с. 88.

²⁰ Бертран Рассел – английский математик и философ, общественный деятель и лауреат Нобелевской премии по литературе, приверженец пацифистских взглядов. См. *Велембовская Ю.А.* Бертран Рассел. Ученый в борьбе против атомной угрозы. – Новая и новейшая история, 1999, № 6, с. 81–109.

²¹ Чрезвычайная сессия ВСМ, Стокгольм, 5–9 апреля 1956 г. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 490, л. 100.

Объясняя причины переноса советским руководством внимания с ядерных на обычные вооружения (прежде всего, чтобы преодолеть трудности в переговорах), Корнейчук обозначил и сформировавшуюся на тот момент позицию СССР в отношении ядерного оружия: “Советский Союз предлагает также заключить договор о безотлагательном прекращении испытаний ядерного оружия”²². В 1956 г. вопрос о запрещении ядерных испытаний стал постепенно выдвигаться в повестку дня не только на дипломатических переговорах, но и в деятельности ВСМ и Движения сторонников мира. Интересно отметить, что на обсуждении в СКЗМ итогов чрезвычайной сессии в Стокгольме вице-президент ВСМ И.Г. Эренбург весьма образно оценил успехи ДСМ и других объединений миролюбивых сил: “Движение за мир выросло и окрепло так сильно, что уже представляет собой географическое понятие – это зона мира”, которая будет только расширяться и серьезно влиять на события, “которые мы называем историческими”²³. Однако понятие “безъядерной зоны”, хотя и связанной с географией, имело иное, вполне конкретное содержание и появилось в 1957 г.

Сессия Бюро ВСМ 23–25 июня 1956 г., впервые проходившая в Париже после учредительного Конгресса 1949 г., также была посвящена проблемам разоружения. В выступлении Ф. Жолио-Кюри особое внимание обращалось на продолжение гонки ядерных вооружений и появление в разоруженческих инициативах СССР предложения заключить соглашение о прекращении испытаний атомного оружия, не дожидаясь договоренностей о ядерном разоружении. В связи с этим Жолио-Кюри подчеркнул: “Поэтому наше Бюро должно самым решительным образом снова заявить о том, что движение сторонников мира выступает против продолжения экспериментальных взрывов”²⁴. В итоге на этой сессии Бюро обратилось к трем ядерным державам (США, СССР и Великобритании) с требованием безотлагательно заключить соглашение о прекращении всех видов ядерных испытаний. Этот призыв нашел положительный отклик в СССР, тогда как правительства США и Великобритании уклонились от ответа, занимая в то время в вопросе о прекращении ядерных испытаний негативную позицию.

В 1957 г. деятельность ДСМ в поддержку разоружения сосредоточилась на проблеме запрещения испытаний ядерного оружия и соответствовала тем изменениям, которые происходили в подходе советского руководства к вопросам разоружения. В январе 1957 г. советская делегация внесла на заседании Первого (Политического) комитета XI сессии ГА ООН несколько проектов резолюций, первый из которых рекомендовал призвать к безотлагательному прекращению испытаний атомного и водородного оружия. По мнению советского руководства, достижения современной науки позволяли обнаружить любой ядерный взрыв без осуществления контроля²⁵. На заседании Президиума ЦК КПСС 4 марта 1957 г., наряду с обсуждением проекта указаний представителю СССР в Подкомитете Комиссии ООН, рассматривался также проект “ноты правительствам США и Англии по вопросу о безотлагательном прекращении испытания атомного и водородного оружия”²⁶.

В то же время следует подчеркнуть, что при выдвижении дипломатических инициатив не могли не учитываться настроения мировой общественности. Идея запрещения ядерных испытаний, которые создавали опасность для жизни и здоровья населения,

²² Там же, л. 100а.

²³ Стенограмма собрания, посвященного итогам чрезвычайной сессии ВСМ, 18 апреля 1956 г. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 428, л. 8.

²⁴ Материал сессии Бюро ВСМ в Париже 23–25 июня 1956 г. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 494, л. 6.

²⁵ Указания представителю СССР в Подкомитете Комиссии ООН по разоружению [26 февраля 1957 г.] – Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964, т. 2. М., 2006, док. № 105.0.1, с. 603.

²⁶ Протокол № 80. Заседание 4 марта 1957 г. – Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964, т. 1. М., 2003, док. №105, с. 232.

способствовали гонке ядерных вооружений, всё больше находила поддержку в различных социальных и политических кругах, особенно в пострадавшей от американских атомных бомбардировок и испытаний водородного оружия Японии. Продолжая разработку дипломатических мер в направлении прекращения ядерных испытаний, советское правительство выступило 26 марта 1957 г. с важным заявлением, в котором было выдвинуто не только предложение о введении моратория на испытания ядерного оружия (как первой меры по их запрещению), но впервые давалось принципиальное согласие на изучение процедур контроля за прекращением ядерных испытаний. Однако никаких конкретных шагов по введению моратория в этот год предпринято не было.

Новые советские предложения нашли большой отклик в ДСМ. 30 марта – 2 апреля 1957 г. в Берлине состоялось заседание Бюро ВСМ, которое оказалось весьма своевременным в связи с обнародованием дипломатических инициатив СССР. Практическая значимость этого заседания Бюро состояла прежде всего в том, что на нем было принято Берлинское воззвание ВСМ ко всем народам с требованием прекращения испытаний атомного и водородного оружия. Что касается дискуссии по вопросу содержания Берлинского воззвания, то на участников сессии большое влияние оказал доклад члена ВСМ проф. Дж. Бернала, опиравшегося на цифры и другую информацию об опасности ядерных взрывов для здоровья человека. А.Е. Корнейчук даже предложил опубликовать доклад Бернала и разослать его национальным комитетам защиты мира в целях просвещения населения.

Текст Берлинского воззвания начинался со слов об опасности для окружающей среды и здоровья человека продолжающихся испытаний ядерного оружия. В нем констатировалось, что народы не хотят атомной войны. Далее говорилось: “Соединенные Штаты и СССР продолжают испытания водородной бомбы. Великобритания присоединяется к ним. Мы требуем прекращения этих испытаний. Мы требуем немедленного соглашения о приостановке этих испытаний”²⁷. Это требование рассматривалось как первый шаг на пути к полному запрещению производства и применения ядерного оружия. Было также принято Заявление к Берлинскому воззванию, подчеркивавшее опасность для человечества не только ядерной войны, но и испытаний ядерного оружия, и резолюция Бюро ВСМ о международной обстановке. Полагая, что “передышка” в проведении испытаний приведет к ослаблению международной напряженности, даст возможность начать переговоры, а они откроют путь к уничтожению ядерного оружия и разоружению, ВСМ считал своей главной задачей “широкую популяризацию” Берлинского воззвания. Причем в основе этой “разъяснительной кампании” лежало убеждение руководства ВСМ в том, что в настоящее время общественность сильнее обеспокоена опасностью испытаний и применения ядерного оружия, чем в период Стокгольмского воззвания, и будет слушать “нас” “с большей готовностью”. Каждое национальное движение могло избрать наиболее подходящие формы проведения новой антиядерной кампании, но при этом обязательной для всех ее частью являлась финансовая поддержка со стороны общественности²⁸.

Вполне очевидно, что Берлинское воззвание отвечало интересам советской дипломатии. Однако руководство ЦК и МИД выразило возмущение тем, что впервые в документе ВСМ осуждалось проведение ядерных испытаний не только США, но и СССР²⁹. В связи с этим критике подверглась деятельность советских делегатов А.Е. Корнейчука и И.Г. Эренбурга, которые, участвуя в комиссии по выработке документов Берлин-

²⁷ Текст Берлинского воззвания, 2 апреля 1957 г. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 496, л. 93.

²⁸ Обращение Комитета по связям и подготовке сессии ВСМ в Коломбо, 10–16 июня 1957 г., 19 апреля 1957 г. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 526, л. 130, 131.

²⁹ Док. № 115.0.1. Записка секретарей ЦК КПСС М.А. Суслова, Д.Т. Шепилова и министра иностранных дел А.А. Громыко в связи с принятием Бюро Всемирного Совета Мира Воззвания о запрещении испытания атомного и водородного оружия, 8 апреля 1957 г. – Архивы Кремля, т. 2, с. 628.

ского заседания Бюро ВСМ, не придали значения “вредности” этой формулировки. В опубликованном в советской печати 4 мая 1957 г. Заявлении Советского комитета защиты мира после слов о горячей поддержке Берлинского воззвания одновременно говорилось о сожалениях по поводу отсутствия в нем указания “на различие в отношении к испытаниям ядерного оружия со стороны великих держав, обладающих этим оружием, что имеет весьма важное значение”³⁰. В мае в СССР прошли многочисленные митинги и собрания общественности в поддержку Воззвания ВСМ и Заявления СКЗМ.

В течение 1957 г. в советском руководстве разрабатывались новые концептуальные подходы и практические меры в отношении проблемы разоружения и запрещения испытаний ядерного оружия. Так, 20 сентября 1957 г. во время работы XII сессии ГА ООН советской делегацией был передан “Меморандум Советского правительства о частичных мероприятиях в области разоружения” и три проекта резолюций: о прекращении испытаний ядерного оружия, о принятии государствами обязательства не применять ядерного оружия и о мирном сосуществовании.

Важно отметить, что на этой же сессии ГА ООН, 2 октября 1957 г. польский министр иностранных дел А. Рапацкий предложил план создания безатомной зоны в Центральной Европе. Согласно этому проекту, государства Центральной Европы – Польша, Чехословакия, ГДР и ФРГ – должны были принять на себя обязательства не производить, не ввозить, не накапливать атомное оружие и не размещать на их территории ядерное оружие других государств. В свою очередь, СССР, США, Великобритания и Франция должны были взять на себя обязательства не вооружать свои войска, размещенные на этих территориях, ядерным оружием, не передавать его правительствам стран, входящим в безатомную зону, и не использовать это оружие против них. Все заинтересованные страны должны были создать на территории безатомной зоны систему международного контроля. В отличие от ситуации на Женевском совещании министров иностранных дел в ноябре 1955 г., когда предложение западных держав, в частности премьер-министра Великобритании А. Идена, о создании демилитаризованной зоны в Центральной Европе было в итоге отвергнуто советской стороной, СССР и другие социалистические государства приветствовали польскую инициативу. Тогда как правительства США, ФРГ и других стран НАТО ее не поддержали.

Что касается ДСМ, то начиная с 1958 г. выступления общественности за прекращение ядерных испытаний стали постепенно дополняться требованиями о создании безъядерных зон в Европе и мире. В речи И.Г. Эренбурга на заседании Президиума СКЗМ 31 января 1958 г. отмечалась важность начавшихся в Швеции и Дании выступлений общественности и политических кругов за создание безатомных зон на севере Европы, несмотря на то, что ДСМ в скандинавских странах было довольно слабым³¹.

16–22 июля 1958 г. в Стокгольме состоялся Всемирный конгресс за разоружение и международное сотрудничество. Значительное влияние на его подготовку и проведение оказали постановление Верховного Совета СССР от 31 марта 1958 г. об одностороннем прекращении Советским Союзом испытаний атомного и водородного оружия и обращение СССР к Конгрессу США и парламентам европейских стран о прекращении испытаний ядерного оружия. Среди рекомендаций СКЗМ советским представителям, входившим в Бюро ВСМ, в качестве первоочередной задачи называлась подготовка обращения к общественности от имени президента ВСМ Ф. Жолио-Кюри с призывом усилить кампанию за прекращение ядерных испытаний, за оказание давления на правительства США и Великобритании последовать примеру советского правительства³².

³⁰ Заявление СКЗМ. – РГАНИ, ф. 5, оп. 28, д. 502, л. 83.

³¹ Стенограмма заседания Президиума СКЗМ от 31 января 1958 г. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 551, л. 3.

³² Протокол заседания Президиума СКЗМ, 8 апреля 1958 г. – Там же, л. 36.

В связи с этим следует заметить, что в мае месяце состоялся визит Ф. Жолио-Кюри в Советский Союз. 15 мая он встречался с Н.С. Хрущёвым и имел с ним беседу³³. Из последующих постановлений Президиума ЦК КПСС и партийного поручения А.А. Громыко становится ясно, что во время пребывания Жолио-Кюри в Москве была достигнута договоренность о подготовке и передаче ему материалов, а также в устной форме письма Хрущёва, которые могли быть использованы в Стокгольме³⁴. Характерно, что в этих материалах в отличие от критики в ЦК КПСС высказывания Г.М. Маленкова 1954 г. о гибели цивилизации в ядерной войне, признавался ее катастрофический характер для “многих народов”, о сотнях миллионов погибших, об уничтожении материальных богатств человеческой цивилизации и радиоактивным заражении. Помимо этого в подготовленных материалах проводился новый тезис о невозможности достигнуть разоружения без ликвидации “холодной войны”: “Политика холодной войны препятствует разрешению даже такой ближайшей задачи, как прекращение испытаний атомного и водородного оружия, что было бы важным практическим шагом в деле прекращения гонки вооружений”³⁵. Большое внимание также уделялось экономическим последствиям “холодной войны” и гонки вооружений. В целом Жолио-Кюри предлагалось выступить на предстоящем конгрессе с инициативой по созданию Комитета по ликвидации “холодной войны”, который действовал бы параллельно с ВСМ и мог бы апеллировать к более широким кругам общественного мнения³⁶. Важно отметить, что в директиве советской делегации указывалось не только на необходимость участников конгресса уделить особое внимание “мобилизации мирового общественного мнения на борьбу за немедленное прекращение испытаний ядерного оружия”, но и на поддержку ими идеи “создания безатомных зон в различных частях света”³⁷. Предлагалось также поддержать предложение о создании Международного комитета по разработке мероприятий, направленных на ликвидацию “холодной войны”, и включить в инициативную группу Б.Н. Полевого и И.Г. Эренбурга. Однако эта идея так и не была реализована на практике.

Необходимо подчеркнуть, что и в тексте зачитанного при открытии Стокгольмского конгресса доклада Ф. Жолио-Кюри, который по состоянию здоровья не смог на нем присутствовать, и в выступлениях других участников Стокгольмского конгресса вопросы разоружения, в первую очередь ядерного, занимали приоритетное место.

На заключительном пленарном заседании конгресса была принята Декларация о разоружении, в которой отмечалось нарастание радиуса действия и разрушительной силы ядерного оружия и необходимость “остановить этот бег к войне и уничтожению”. В качестве первого мероприятия рекомендовалось осуществить “немедленное и безусловное прекращение опытных взрывов атомного и термоядерного оружия”³⁸. Чрезвычайно важное значение придавалось созданию безъядерных зон, с выводением отсюда иностранных войск, ликвидации иностранных военных баз и международному контролю за запрещением испытаний и применением ядерного оружия, сокращению обычных вооружений. При рассмотрении оптимальных путей достижения немедленного возобновления переговоров о разоружении (совещание на высшем уровне, сред-

³³ Протокол № 154. Заседание 16 мая 1958 г. Информация о беседе с Жолио-Кюри. – Архивы Кремля, т. 1, с. 310.

³⁴ К п. XVI пр. № 161 заседания Президиума ЦК от 30 июня 1958 г. Шифрограмма. Париж, совпосл. – РГНИ, ф. 3, оп. 21, д. 11, л. 56.

³⁵ Материалы к Всемирному конгрессу за разоружение и международное сотрудничество. 16–22 июля 1958 г. – Там же, л. 62.

³⁶ Там же, л. 89.

³⁷ Директивные указания советской делегации на Всемирном Конгрессе за разоружение и международное сотрудничество. (Стокгольм, июль 1958 г.) – РГНИ, ф. 3, оп. 21, д. 11, л. 142, 143.

³⁸ Стокгольмский конгресс за разоружение и международное сотрудничество 16–22 июля 1958 г. Материалы и документы, принятые конгрессом. Таллин, 1958, с. 21–22.

ства ООН, созыв специальной международной конференции) в документе предпочтение отдавалось созыву в 1959 г. Всемирной конференции по разоружению.

Важной формой деятельности ДСМ стали начавшиеся с 1957 г. поездки сторонников мира – “поезда мира” (по странам Восточного блока, включая СССР) и “рейсы мира” по Дунаю, Черному и Балтийскому морям. Это давало возможность сторонникам различных политических и религиозных взглядов в неформальной обстановке вести дискуссии по вопросам обеспечения мира и международной безопасности, хотя, конечно, эти поездки делегаций использовались и в пропагандистских целях для разъяснения их участникам внешнеполитических позиций СССР (в частности, по вопросу о прекращении ядерных испытаний). По инициативе национальных комитетов сторонников мира Австрии, Болгарии, Венгрии с 18 августа 1958 г. начался трехнедельный круиз по Дунаю на двух венгерских пароходах, с 443 человеками на борту. В ходе состоявшегося обмена мнениями участники поддержали решения Стокгольмского конгресса, предложение о создании безатомной зоны в Центральной Европе, а также начало переговоров в Женеве.

Ширившаяся волна протестов против испытаний ядерного оружия не могла не иметь своего воздействия на согласие ядерных держав начать переговоры по данному вопросу. Состоявшееся в Женеве 1–21 августа 1958 г. при участии СССР и ряда других соцстран (Чехословакия, Польша, Румыния) совещание экспертов по обсуждению технических вопросов контроля над проведением ядерных испытаний явилось важным шагом в инициировании переговоров по запрещению испытаний. Во время совещания экспертов в Токио 16–20 августа состоялась IV Международная конференция за запрещение атомного и водородного оружия, на которой особенно подчеркивалась опасность ядерных испытаний для здоровья населения и прозвучал призыв провести во всех странах с 15 октября по 15 ноября месячник за запрещение испытаний ядерного оружия.

В ходе обсуждения в СКЗМ в начале сентября 1958 г. итогов Токийской конференции были не только поддержаны ее рекомендации о проведении месячника, но и выдвинуто предложение об организации со стороны общественности “волны требований” (с акцентом на вреде ядерных испытаний для здоровья человека) прекратить все испытания до 31 октября 1958 г. В этот день в Женеве должно было начаться совещание СССР, США и Великобритании относительно запрещения испытаний ядерного оружия.

Работа Женевского совещания 1958 г. по вопросу запрещения испытаний ядерного оружия сопровождалась активизацией деятельности как ДСМ, так и других организаций и движений миролюбивых сил. Среди тех организаций, которые возникли в конце 1950-х годов помимо Пагуошского движения ученых (1957), активно развернули свою деятельность “Комитет за разумную ядерную политику”, “Женщины в борьбе за мир”, “Комитет граждан за запрещение ядерных испытаний” (США); “Комитет 100”, “Атлантический фонд мира”, “Фонд мира имени Бертрана Рассела” (Великобритания); “Всеяпонский совет за запрещение атомного и водородного оружия” (Япония) и многие другие. В числе важных мероприятий массового протеста против испытаний (письма, петиции, телеграммы в ООН и участникам совещания) важное место отводилось направлению представительных делегаций общественности в Женеву для встреч с делегатами совещания. Так, с 10 по 12 ноября 1958 г. в Женеве находилась делегация ВСМ (из представителей Индии, Колумбии и Великобритании), которая передала участникам совещания меморандум с перечислением всех заявлений и обращений этой международной организации по вопросам разоружения, запрещения атомного оружия и ядерных испытаний, начиная с 1949 г.³⁹ Участники миссии ВСМ были удовлетворены не только заверениями дипломатов об их решимости плодотворно закончить работу

³⁹ Переписка с ВСМ, Международным Институтом мира, Международным клубом борьбы за мир, сотрудничество, обмен информацией (август–декабрь 1958 г.). – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 587, т. 2, л. 235.

совещания, но и присутствием в Женеве многочисленных представителей других миролюбивых сил. Это позволило руководству ВСМ предпринять попытку объединить усилия различных организаций, выступающих за мир, “в проведении совместных или параллельных действий, сконцентрированных вокруг Женевского совещания”⁴⁰. Среди параллельных действий руководство ДСМ высоко оценивало начавшиеся в Англии с 1958 г. Олдермастонские походы, походы за мир в Японии.

Совещание 1958 г. в Женеве не привело к заключению договора о прекращении испытаний ядерного оружия и эти переговоры продолжились в последующие годы, как и различные формы давления на дипломатов (в том числе выпуск открыток с антиядерной тематикой и соответствующей литературы) со стороны различных организаций миролюбивых сил. Тем не менее с конца 1958 г. обе стороны в переговорах стали придерживаться моратория на проведение ядерных испытаний. 26 августа 1959 г. США объявили, что их мораторий будет продлен до конца 1959 г. В ответном заявлении СССР говорилось, что он будет воздерживаться от испытаний в том случае, если их не станут проводить западные державы. В итоге мораторий на ядерные испытания продолжался до середины 1961 г. Таким образом, можно полагать, что протестное движение миролюбивой общественности в конце 1950-х годов, включая Движение сторонников мира, оказало свое воздействие на временный интервал в ядерных испытаниях.

Что касается требований создания безъядерных (безатомных) зон⁴¹, то первым опытом в этой области стало подписание в 1959 г. Договора об Антарктике (вступил в силу с 1961 г.). Согласно этому договору, на необитаемых пространствах Антарктиды запрещалось размещение ядерного оружия, проведение ядерных испытаний и захоронение радиоактивных отходов. Но в нем не было запретов на иные виды деятельности, связанные с ядерным оружием, что затем более конкретно регламентировалось в договорах, касавшихся космического пространства, морского дна и ряда регионов.

В то же время необходимо отметить, что под влиянием визита Н.С. Хрущёва в США в сентябре 1959 г. и прозвучавшего с трибуны ООН его предложения о всеобщем и полном разоружении кампании ДСМ за запрещение испытаний ядерного оружия отошли на второй план. В середине ноября 1959 г. в ДСМ произошел поворот к организации и проведению новых кампаний: за созыв совещания на высшем уровне, за разрядку международной напряженности и окончание “холодной войны”. И кульминацией этих отдельных кампаний на злобу дня должна была стать широкая кампания за всеобщее и полное разоружение. Как подчеркивалось в письме Института мира в Вене (с 1957 г. практически заменившего собой Секретариат ВСМ), “размах, глубина и значение этой кампании определяются важностью проблемы разоружения”⁴². Стоит отметить, что при обсуждении в СКЗМ вопроса о проведении кампании за всеобщее и полное разоружение большое значение придавалась организации региональных конференций миролюбивых сил. Помимо уже состоявшейся в Варшаве Европейской конференции за обеспечение безопасности в Европе, за разрядку международной напряженности велась подготовка к конференции на Балканах, посвященной созданию в районе Адриатического моря зоны свободной от ядерного оружия (“план Тито”)⁴³.

В июне 1961 г. по инициативе видных общественных деятелей Норвегии в Осло состоялась другая европейская конференция, с целью плодотворной дискуссии между представителями Западного и Восточного блоков. Как подчеркивалось в Обращении по созыву этой конференции, подписанному авторитетными политическими и общественными деятелями стран Северной Европы, а также других европейских государств, включая восточноевропейские и СССР, в случае начала атомной войны “именно Ев-

⁴⁰ Там же, л. 246.

⁴¹ На территории безъядерных зон запрещается разработка, испытание, хранение, транспортировка и использование ядерного оружия.

⁴² Письмо Международного Института мира в СКЗМ, 16 ноября 1959 г. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 669, л. 332–333.

⁴³ Протокол заседания Президиума СКЗМ от 28 октября 1959 г. – Там же, д. 633, л. 143.

ропа подвергнется наибольшей опасности”. Поэтому требовалось обсудить проблемы создания в регионе зоны “нейтрализации” и атомного разоружения⁴⁴. Организаторы встречи полагали, что “обмен мнениями между людьми, участвующими в формировании общественного мнения, может стимулировать и облегчить переговоры между государствами”⁴⁵. О том, что насколько серьезны были настроения общественности и части политических кругов стран Северной Европы в пользу идеи создания в регионе безъядерной зоны, свидетельствует выдвинутое в октябре 1961 г. шведским министром иностранных дел Б.Э. Унденом предложение о создании в противовес “ядерному клубу” государств “безъядерного клуба”. По “плану Ундена” неядерные государства должны были отказаться от производства, приобретения или размещения на своей территории ядерного оружия при одновременном запрещении ядерных испытаний. СССР положительно отнесся к “плану Ундена”. Это предложение также получило поддержку на ГА ООН (58 голосов “за”, 10 членов НАТО – “против”, а 23 страны воздержались).

Говоря о повороте Хрущёва и советского руководства к выдвигавшейся СССР еще в 1930-х годах программе всеобщего и полного разоружения, необходимо подчеркнуть, что наряду с предлагаемым глобальным разоружением хрущёвская программа содержала ряд “частичных”, т.е. прагматических мер, которые могли служить основой для переговоров – в частности, как и в предложениях 1956–1958 гг., ликвидацию военных баз на чужих территориях, заключение пакта о ненападении между НАТО и Варшавским договором, запрещение производства ядерного оружия и его использования, а также установление безъядерной зоны в Центральной Европе. Однако усиление советской ядерной мощи на рубеже 1950–1960-х годов, о чем свидетельствовало успешное испытание межконтинентальных баллистических ракет в 1957 г. и запуск первых советских спутников, несколько снизило для советского руководства значимость широкомасштабного Движения сторонников мира как фактора стабилизирующего международную обстановку в условиях ядерного превосходства США.

Инцидент с американским разведывательным самолетом У-2, сбитым 1 мая 1960 г. под Свердловском, срыв Парижского саммита, отрицательная реакция западных делегаций на новые инициативы по разоружению (развивавшие идею всеобщего и полного разоружения), с которыми Н.С. Хрущёв выступил на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (20 сентября – 21 декабря 1960 г.), также повлияли на позицию СССР в области ядерного разоружения.

15 октября 1960 г., отчитываясь на заседании Президиума ЦК КПСС о работе советской делегации на XV сессии Генеральной Ассамблеи, Хрущёв предложил “затормозить переговоры (в Женеве) по заключению соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия” и “связать этот вопрос с общим соглашением о разоружении”⁴⁶.

В ходе подготовки встречи Н.С. Хрущёва и нового американского президента Дж. Кеннеди в Вене (3–4 июня 1961 г.) советское руководство не только не отошло от идеи “увязки”, но, исходя из своих военно-политических соображений и в контексте эскалации Берлинского кризиса (1958–1961), утвердилось в намерении не идти на уступки в данном вопросе. Высказывания Хрущёва на заседаниях Президиума ЦК КПСС и в записи беседы с послом США в СССР Л. Томпсоном показывают, что его волновали две вещи – вопрос контроля над ядерными взрывами (количества и вида инспекций), на чем настаивали представители западных держав и что расценивалось им как возможность шпионажа со стороны Запада, а также необходимость возобновления в СССР испытаний ядерного оружия⁴⁷ в погоне за паритетом с США. Позиция Хрущёва помешала достижению в Вене договоренности по вопросу запрещения испытаний ядерного оружия и тем более по общей проблеме разоружений.

⁴⁴ Переписка с Международным Институтом мира по вопросам борьбы за мир, 1961 г. – Там же, д. 841, л. 87.

⁴⁵ Там же, л. 89.

⁴⁶ Архивы Кремля, т. 1, док. № 220.1, с. 444, 445.

⁴⁷ Там же, док. № 235, с. 506.

31 августа 1961 г. Советский Союз заявил о выходе в одностороннем порядке из моратория на испытание ядерного оружия⁴⁸. Спустя месяц, 30 октября 1961 г., над Новой Землей была взорвана 100-мегатонная термоядерная бомба (в варианте половинной мощности). Подобная бомба не имела практического военного значения и служила цели “устрашения” противника, демонстрируя успехи СССР в овладении самым мощным в мире термоядерным устройством (взрывная волна трижды обогнула земной шар).

Однако возобновившиеся в СССР испытания ядерного оружия вызвали в рядах сторонников мира не меньше протестов, чем взрывы американских ядерных бомб. Правда, в сделанном сразу же после объявления СССР о выходе из моратория заявлении президента-исполнителя ВСМ проф. Дж. Бернала (возглавил ВСМ после смерти Фредерика Жолио-Кюри в 1958 г.) не только выражалось сожаление в связи с возобновлением ядерных испытаний, но и делалась осторожная попытка оправдать решение советского руководства ссылками на подготовку стран НАТО к ядерной войне⁴⁹. В заявлениях национальных организаций сторонников мира также прозвучали слова удивления и сожаления по поводу выхода СССР из моратория и содержались протесты против испытаний ядерного оружия как на Западе, так и на Востоке.

После взрыва над Новой Землей “царь-бомбы” многочисленные демонстрации с протестами и осуждением ядерных испытаний, в том числе советских, прошли в странах Европы и Азии. На сессии ВСМ в Стокгольме, состоявшейся 16–19 декабря 1961 г., советскому представителю А.Е. Корнейчуку в своем выступлении пришлось уделить немало места оправданию испытания в Советском Союзе нового термоядерного оружия. Он приводил аргументы о том, что СССР “вынужден” провести испытание, ссылаясь при этом на высказывание Н.С. Хрущёва, что в условиях империалистической угрозы войны “странам социализма приходится думать прежде всего не о радиоактивных осадках от испытаний, а о том, чтобы ядерные бомбы не начали уничтожать целые города и миллионы людей”⁵⁰.

Стокгольмская сессия ВСМ, отмеченная бурными дискуссиями по вопросу разоружения, приняла важное решение о проведении Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир. 29 января 1962 г. Дж. Бернал обратился от имени Президиума ВСМ к миролюбивым силам всех стран с предложением провести этот конгресс в Москве 9–14 июля того же года.

Московский конгресс подготавливался и проводился с расчетом на всестороннее и глубокое обсуждение проблемы всеобщего и полного разоружения. Причем в выступлениях представителей западных стран, особенно США и Великобритании, звучала мысль о том, что в деле гонки вооружений нельзя возлагать ответственность только на одну сторону⁵¹. Среди проблем разоружения, обсуждавшихся на конгрессе немало места уделялось вопросу запрещения испытаний ядерного оружия, тем более, что в день открытия Московского форума США начали новую серию испытаний. В обширном выступлении на конгрессе Н.С. Хрущёва было уделено внимание оправданию испытания “царь-бомбы” в 1961 г. Советский лидер подчеркнул, что “ракетно-ядерная мощь Советского Союза служит решающим средством защиты мира и уже не раз спасала человечество от мировой войны, которую пытаются развязать империалистические круги Запада”. В данном контексте он назвал состоявшееся на Новой Земле испытание вынужденной мерой и выразил готовность советского руководства “подписать согла-

⁴⁸ Заявление Советского правительства. – Правда, 31.VIII.1961.

⁴⁹ ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 841, л. 192.

⁵⁰ Материалы сессии ВСМ в Стокгольме, 16–19 декабря 1961 г. Доклад А.Е. Корнейчука. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 878, л. 10.

⁵¹ В 1961–1962 гг. СССР провел 138 ядерных испытаний, а США – 106. См. *Смирнов Ю.Н.* Холодная война как явление ядерного века. – Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М, 2003, с. 603.

шение о запрещении всех испытаний этого оружия". "Но одностороннего разоружения стран социализма, – заявил Хрущёв, – никто от нас не дожидается"⁵².

Делегаты призвали все ядерные державы достичь соглашения о заключении договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (в атмосфере и космосе, под землей и под водой). Этот пункт, дополненный требованием создания безъядерных зон, был внесен в документы конгресса.

Однако лишь после Карибского кризиса 1962 г., поставившего мир на грань ядерной войны, стало осуществляться возвращение Н.С. Хрущёва, приверженного концепции всеобщего и полного разоружения, к идее середины – конца 1950-х годов о заключении соглашения о запрещении ядерных испытаний в качестве первого шага на пути ядерного разоружения. Но даже в 1963 г., когда уже шли переговоры СССР с США и Великобританией о подготовке договора о запрещении ядерных испытаний, Хрущёв в записке в Президиум ЦК КПСС о советско-американских отношениях, датированной 20 апреля, называл его "не главным, а подсобным вопросом". Главными, по его мнению, были предотвращение вторжения США на Кубу и заключение германского мирного договора. Вместе с тем Хрущёв считал, что если СССР добьется соглашения о запрещении испытаний, то "это будет полезно"⁵³.

Московский договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой, подписанный СССР, США и Великобританией 5 августа 1963 г., встретил поддержку ДСМ и других антиядерных движений, в течение ряда лет требовавших заключения подобного договора⁵⁴. Однако, как показала состоявшаяся 28 ноября – 2 декабря 1963 г. в Варшаве сессия ВСМ, в рядах руководства ДСМ имелись расхождения в оценке Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Представители КНР, выдвигавшие в качестве главной задачи движения за мир бескомпромиссную борьбу с агрессивным американским империализмом, считали целью Московского договора укрепление ядерной монополии трех держав, чтобы "заправлять мировыми делами" и требовали его решительного осуждения. В противовес этим призывам председатель японского Совета борьбы против атомной и водородной бомбы Каору Ясуи подчеркивал, что Московский договор "можно рассматривать как первую победу, одержанную Движением против ядерного вооружения"⁵⁵, и предлагал, несмотря на расхождения, объединиться в борьбе за полное запрещение всех видов ядерных испытаний. В докладе Комиссии по разоружению и борьбе против опасности ядерной войны, созданной для обсуждения на сессии данных вопросов, помимо высокой оценки Московского договора содержался призыв к продолжению массовых действий, например, давления на Комитет 18-ти в Женеве, чтобы этот договор был распространен "на все виды ядерных испытаний, на все государства"⁵⁶.

Таким образом, заключение Московского договора 1963 г. о частичном запрещении испытаний ядерного оружия, несмотря на его ограниченность, можно расценивать не только как важное достижение дипломатии в области ядерного разоружения, но и весомый успех первых антиядерных кампаний, включая вклад Движения сторонников мира. Разнообразные формы просвещения населения о вреде испытаний ядерного оружия (в том числе публикация брошюр, докладов ученых, тематических открыток) и пропаганда опасности ядерной войны в итоге оказывали воздействие на формирование массовых общественных протестов против производства и применения ядерного оружия. В свою очередь, какими бы собственными прагматическими соображениями не руководствовались политики Западного и Восточного блоков в процессе выработ-

⁵² Проект речи Н.С. Хрущёва на Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир. – РГАНИ, ф. 3, оп. 21, д. 14, л. 76.

⁵³ Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964, т. 3. М., 2008, док. № 288.0.2, с. 482.

⁵⁴ Справочный материал о движении миролюбивых сил зарубежных стран против угрозы мировой термоядерной войны. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 974, л. 1–8.

⁵⁵ Материалы сессии ВСМ в Варшаве, 28 ноября – 2 декабря 1963 г. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 1006, л. 122.

⁵⁶ Там же, л. 2.

ки внешнеполитических решений в сфере разоружения, они не могли сбрасывать со счетов реакцию общественности, что способствовало нахождению дипломатических компромиссов, позволивших вслед за Договором 1963 г. подписать Договор 1968 г. о нераспространении ядерного оружия (вступил в силу в 1970 г.), а в начале 1970-х годов достичь первых советско-американских договоренностей о сокращении стратегических вооружений. Принятый ГА ООН в сентябре 1996 г. и открытый для подписания Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия расширил ограниченный режим запрещения испытаний ядерного оружия, который был введен Московским договором 1963 г. Однако он все еще не вступил в силу поскольку его ратифицировали только 36 государств (включая Россию) из необходимых для ратификации.

После заключения Московского договора усилилось внимание ДСМ к требованию заключения соглашения о создании безъядерных зон в Европе и мире. На уже упоминавшейся Варшавской сессии ВСМ 1963 г. в докладе о разоружении и борьбе против опасности ядерной войны говорилось о важности “проводимой энергичной кампании против распространения ядерного оружия и за создание безъядерных зон в различных районах земного шара”⁵⁷.

К 1964 г. имелось немало выдвинутых, а также поддержанных СССР предложений о создании безъядерных зон: в Центральной и Северной Европе; на Балканах; в Адриатике; в Средиземноморье; в Африке; в Латинской Америке⁵⁸ на Дальнем Востоке и в районе Тихого океана. Однако существовало немало препятствий на пути их практического воплощения. В мае 1963 г. президент Финляндии У. Кекконен предложил объявить Северную Европу безъядерной зоной, ссылаясь на то, что фактически она существует в одностороннем порядке, поскольку ни одно из этих государств (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания) не намерено приобретать или размещать на своей территории ядерное оружие. И хотя предложение Кекконена было поддержано широкими кругами стран Северной Европы, на совещании в Копенгагене в сентябре 1963 г. премьер-министры Швеции, Норвегии и Дании отрицательно отнеслись к финской инициативе. Стоит также отметить, что в 1963 г. шведское правительство заняло сдержанную позицию и в отношении “плана Ундена”, мотивируя это тем, что до прекращения подземных испытаний ядерного оружия нет оснований для создания “безъядерного клуба”.

Тем не менее в странах Северной Европы идея продолжала пользоваться популярностью. 14–15 марта 1964 г. в Стокгольме была проведена конференция различных миролюбивых сил Швеции, Финляндии, Дании и Норвегии, которая была посвящена созданию на севере Европы безъядерной зоны. Советские представители участвовали в ее работе лишь в качестве наблюдателей, а США и Англия вообще не прислала своих делегатов.

В ДСМ интерес к проблеме создания безъядерных зон также не ослабевал. 13 апреля 1964 г. комиссия СКЗМ по политическим и техническим вопросам разоружения провела специальный семинар, посвященный проблеме создания безъядерных зон. Как подчеркивалось во вступительном докладе, поддержка идеи создания безъядерных зон охватила все ДСМ, что способствовало складыванию благоприятной обстановки для решения общей проблемы разоружения. Поэтому задачей СКЗМ называлось оказание всяческой поддержки требованию создания безъядерных зон. В развернувшейся дискуссии особое внимание уделялось новой идее о необходимости гарантий тем странам, где создавалась безъядерная зона. При этом участники дискуссии ссылались на решения второй Пагуошской конференции (май 1958 г.) о возможности таких гарантий со стороны организаций ООН, куда входили и СССР, и США⁵⁹.

⁵⁷ Там же, л. 1.

⁵⁸ СССР в этом вопросе поддержал предложение Кубы включить в безъядерную зону Пуэрто-Рико, Панамский канал, другие базы США на Американском континенте и вернуть Кубе Гуантанамо.

⁵⁹ Стенограмма семинара по проблеме создания безъядерных зон, 13 апреля 1964 г. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 1024, л. 15.

5–9 июля 1964 г. в Алжире прошла Европейская конференция “За превращение Средиземноморского бассейна в безатомную зону на суше и на море”, в воззвании которой подчеркивалось, что превращение данного региона в зону свободную от ядерного оружия явится важным вкладом в движение за всеобщую безопасность⁶⁰. Среди участников конференции были Югославия, Италия, Франция и Кипр, имевшие выход в Средиземное море. Однако на ней присутствовало много наблюдателей, включая представителей ДСМ и других международных организаций. Примечательно, что в подготовленном МИД СССР и утвержденном в ЦК КПСС ответе Н.С. Хрущёва на послание итальянского комитета сторонников мира, подчеркивалась важность тогда еще только готовившейся конференции в Алжире. «Мы считаем, – говорилось в ответе Хрущёва, в дальнейшем опубликованном в газетах “Правда” и “Известия”, – что дело мира во многом выиграло бы, если бы в других частях земного шара создались бы безатомные зоны. Важное значение имеет задача освободить Центральную Европу от ядерного оружия. Добрым началом к этому послужило бы осуществление предложения Польской Народной Республики о запрещении дальнейшего наращивания ядерных вооружений в этом районе, известного как “план Гомулки”»⁶¹.

В направленной членам Президиума ЦК КПСС записке Н.С. Хрущёва относительно его впечатлений от официальных визитов в Данию и Швецию в конце июня 1964 г. и бесед с государственными деятелями этих стран (записка об итогах визита в Норвегию была послана отдельно) также поднималась проблема создания безъядерных зон. Советский лидер писал: “В своих беседах с датчанами и шведами мы старались всячески поддерживать их линию на недопущение размещения ядерного оружия, на создание на севере Европы зоны мира и спокойствия, что имеет немаловажное значение для европейской безопасности и укрепления мира в целом”. При этом он подчеркивал значимость влияния общественного мнения этих стран, “выступающего против американской ядерной политики на севере Европы”⁶².

Итак, начиная с 1957 г. прозвучавшая с трибуны ООН идея создания зон, свободных от ядерного оружия, неизменно присутствовала в деятельности ДСМ и других организаций борцов за мир в последующие годы. В атмосфере поддержки со стороны миролюбивой общественности за период с 1960-х до начала 2000-х годов был заключен ряд многосторонних договоров по созданию безъядерных зон в различных регионах мира. На сегодняшний день существуют шесть зон без ядерного оружия: в Антарктиде (Договор об Антарктике 1959 г.); в Латинской Америке (Договор Тлателолко 1967 г.); в Южной части Тихого океана (Договор Раротонга 1985 г.); в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор 1995 г.); в Африке (Договор Пелиндаба 1996 г.); в Центральной Азии (Семипалатинский договор 2006 г.). Последний договор вступил в силу в 2009 г. Ядерные государства, подписавшие в Нью-Йорке в 2014 г. Протокол к Семипалатинскому договору, приняли на себя обязательства не применять ядерное оружие (и не угрожать его применением) в отношении участников этой новой безъядерной зоны. 21 апреля 2015 г. Россия ратифицировала протокол к Семипалатинскому договору. Все эти договоры способствуют реализации политики нераспространения ядерного оружия и демилитаризации международных отношений.

⁶⁰ Материалы конференции за превращение Средиземноморского бассейна в безатомную зону на суше и на море, 5–9 июля 1964 г., г. Алжир. – ГАРФ, ф. 9539, оп. 1, д. 1073, л. 43.

⁶¹ Приложение к п. XIII протокола № 149 заседания Президиума ЦК КПСС от 2 июля 1964 г. – РГАНИ, ф. 3, оп. 21, д. 34, л. 16. В 1963 г. первый секретарь ЦК ПОРП В. Гомулка выступил с более приемлемым для стран Запада предложением относительно создания безъядерной зоны. “План Гомулки” предусматривал в качестве первоначального шага к созданию безъядерной зоны “замораживание” ядерных вооружений в Центральной Европе. Но западные державы не поддержали эту инициативу.

⁶² В Президиум ЦК КПСС. Некоторые впечатления о поездке в Данию и Швецию и о беседах с государственными деятелями этих стран. – РГАНИ, ф. 52, оп. 1, д. 362, л. 109.